

RAINBOW IN THE DARK АВТОБИОГРАФИЯ

18+

РОННИ ДЖЕЙМС

ДИО

ПРИ УЧАСТИИ МИКА УОЛЛА
И ВЕНДИ ДИО

БОМБОРА

Ронни Джеймс Дио
Ронни Джеймс Дио.
Автобиография.
Rainbow in the dark
Серия «Боги метал-сцены»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68284516

*Ронни Джеймс Дио. Автобиография. Rainbow in the dark: Эксмо; М;
2023*

ISBN 978-5-04-174918-7

Аннотация

Ронни Джеймс Дио начал писать автобиографию за несколько лет до того, как в 2009 году ему поставили диагноз «рак желудка». В 2010 году легендарного музыканта не стало. Эта книга? – последняя возможность заглянуть в мир легенды рока.

Rainbow in the Dark – искреннее, удивительное, часто уморительное, а иногда и грустное свидетельство преданности и амбиций, наполненное трогательными историями о юности и славных 80-х.

Книга увлекает откровенными воспоминаниями Дио о событиях за кулисами, в отеле, студии и дома, за закрытыми дверями, вдали от безумных бесконечных гастролей. Он

вспоминает восхитительную жизнь и события, благодаря которым из родного города в северной части Нью-Йорка пробился на крупнейшие концертные площадки по всему миру, включая арену, ставшую для него вершиной успеха – Madison Square Garden.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие от Венди Дио	7
Пролог	15
1	21
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ронни Джеймс Дио

Ронни Джеймс Дио.

Автобиография.

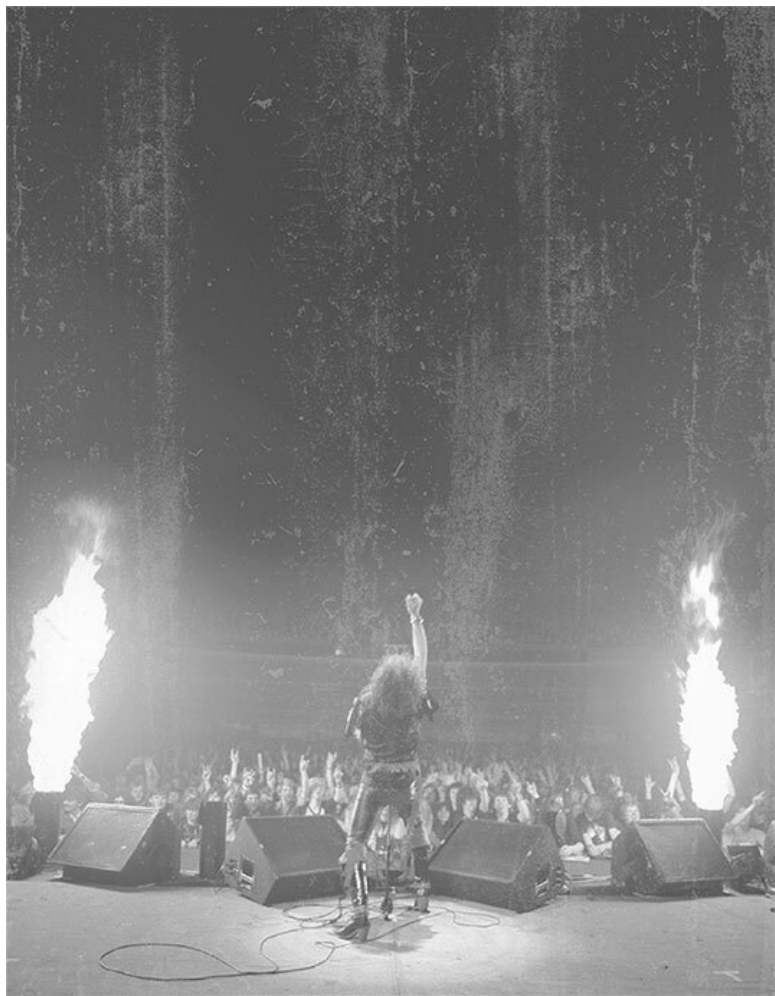
Rainbow in the dark

© С. Ткачук, перевод на русский язык 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

*Книга посвящается Венди и всем моим
замечательным друзьям и поклонникам*

Предисловие от Венди Дио

Когда Ронни начал писать свою книгу, он не собирался ее заканчивать. Рак, который в конечном итоге его одолеет, еще не обнаружили, и Ронни казалось, что будущее по-прежнему сулит много хорошего.

Это был Ронни Джеймс Дио, в которого я и влюбилась, а позже вышла замуж. Неудержимая природная стихия, для него не было ничего невозможного, даже когда судьба, казалось, плела против него заговор. Да, *особенно* в эти моменты.

Читая эту удивительную историю, вы увидите, что Ронни был прирожденным бойцом. Скажите ему, чего нельзя сделать; он бы горы свернул, доказав, что в этом мире возможно все. Как только Ронни на что-то нацеливался, он редко, если вообще когда-либо, не добивался поставленной задачи. Так же было и с автобиографией. Даже после того, как в 2009 году Ронни заболел, он решительно был настроен оставить после себя письменное послание. Как и свои тексты, он все написал от руки. Ронни никогда не пользовался для этого компьютером. У него был красивый почерк, он записывал воспоминания, затем передавал мне страницы, а мой ассистент их печатал.

Ронни читал запоем и был прирожденным рассказчиком. Он мог рассмешить до слез. А мог заставить вас вскочить и заплакать, рассказывая истории о непростых временах, че-

рез которые ему пришлось пройти, чтобы наконец осуществить свою мечту.

Если богатые поэтическими образами тексты песен были его поэзией, то данная книга стала его личным прощальным напутствием, написанным от сердца, без прикрас, искренне, потому что Ронни всегда был таким.

Он успел написать немало, затронув годы в Rainbow до того, как недуг вынудил его сбавить обороты. В тот момент он принялся писать заметки и планировать, как будет строиться остальная часть книги. Я смогла помочь ему набросать мысли и воспоминания почти до настоящего времени. Когда бы мы это ни обсуждали, Ронни настаивал, что история, которую он в конечном итоге хочет поведать, – о том, что надежда всегда одерживает триумф над отчаяньем; а радость и позитивные эмоции, свет и волшебство преодолеют мрак. Не бойтесь наступления ночи – рассвет всегда за горизонтом.

После смерти Ронни в 2010 году в планах было как можно скорее издать его мемуары. Тогда этого не произошло, потому что мне было ужасно тяжело пережить трагедию, я была разбита и просто не могла сесть и начать работать над тем, что было для него глубоко личным. Я всегда планировала когда-нибудь помочь довести все это до логического завершения. Ронни заслужил, чтобы его историю услышал весь мир.

Он искренне верил, что подходящий момент всегда настанет, нужно просто терпеливо ждать, когда откроется истина.

Мы с Ронни познакомились с Миком Уоллом в 1980 го-

ду, когда тот работал публицистом Black Sabbath в Великобритании и помогал продвигать их альбом *Heaven and Hell* – Ронни считал эту пластинку своей лучшей работой с группой. Мику было всего двадцать, и позже он, смеясь, рассказал мне, как сильно боялся Ронни, но так началась их дружба длиною в жизнь. К тому времени, как группа Ронни Dio, появившаяся после его ухода из Sabbath, ворвалась на музыкальную сцену, Мик уже многим был известен. Он стал легендарным рок-писателем и ведущим нескольких замечательных теле- и радиошоу, включая памятную документальную передачу в стиле «Дома со звездами», где зависал у нас дома, играл с Ронни в бильярд, пил с нами пиво в домашнем баре Ронни, оборудованном в стиле английского паба, и бродил по комнатам, рассматривая военные доспехи из обширной коллекции античных и готических артефактов, которые приобрел Ронни.

В середине 90-х Мик вернулся в качестве пиар-менеджера Ронни в Лондоне. А в 1998 году Мик стал креативным редактором, подарившим миру крайне успешный рок-журнал *Classic Rock*. Именно когда в 2006 году при поддержке журнала *Classic Rock* Ронни получил в Лондоне награду «Гуру металла», они с Миком снова стали друзьями.

Когда несколько лет назад Мик поинтересовался, готова ли я подумать о том, чтобы приступить к работе над мемуарами Ронни, началась долгая беседа, продлившаяся несколько месяцев, а в конечном итоге – лет. С тех пор, как не стало

Ронни, прошло некоторое время, и мы наконец собрали приличный архив интервью за всю его карьеру из тысячи газет, журналов, появлений на телевидении и радио и тонны другого материала – больших интервью по поводу клипов и дополнительных материалов для различных CD и DVD. Тщательно отобрав информацию, раскладывая по полочкам жизнь, собранную из невероятных фотографий, историй и других личных реликвий, и, разумеется, его заметок и неоконченных рукописей, мы приступили к непростой задаче – завершить книгу, которая сейчас находится перед вами.

Держа в руках папки с написанными его рукой страницами, аккуратно составленными заметками и беспорядочными мыслями, старыми компьютерными распечатками, я лишний раз убедилась в том, насколько важно сделать книгу именно такой, какой ее задумывал Ронни. Я знала, что одной мне не справиться. Кроме Мика мы никого не рассматривали. Он знал Ронни тридцать лет и, бесспорно, был лучшим писателем и редактором, которому бы я доверила такую работу. Он нас не подвел, первым делом воздав должное несравненной истории Ронни, а потом уже фанатам и мне.

Мику удалось реконструировать наброски и черновики со словами Ронни и наполнить содержанием и деталями, где это целесообразно, добавив некоторые цитаты Ронни из других источников, включая собственный внушительный архив, в котором содержится множество долгих и глубокомысленных бесед с Ронни за долгие годы их знакомства.

Любой, кто хоть раз общался с Ронни, не даст соврать, что он любил разговаривать. Попробуйте его заткнуть! По-моему, он знал обо всем на свете и всегда мог поддержать любой разговор. В то же самое время Ронни любил просто находиться в компании фанатов и внимательно их слушать. Задолго до того, как он стал известным, и до конца дней своих, поиграв в трех легендарных рок-группах и продав свыше 150 миллионов альбомов, Ронни разговаривал с окружающими сутки напролет, при этом все равно выходил на сцену и пел лучше, чем любой другой рок-певец.

Когда бы мы с Ронни ни обсуждали, чем должна закончиться его книга, он настаивал, что первые мемуары должны закончиться событиями 1986 года, в тот самый вечер, когда он со своей сольной группой Dio собрал знаменитый «Мэдисон-сквер-гарден». В тот волшебный июньский вечер Ронни был всего в нескольких неделях от своего 40-летия. Прежде он дважды выступил хедлайнером в «Гарден» в составе Sabbath, но впервые хедлайнером оказалась заявлена его группа – знаковое событие для мальчишки из северной части штата Нью-Йорк, мечтавшем еще с подросткового возраста увидеть свое имя на светящейся вывеске самой знаменитой концертной площадки города. Тот вечер стал венцом славы в карьере Ронни. Его мечта исполнилась – в буквальном и фигуральном смысле. Я была с ним в тот вечер как жена, менеджер, но, прежде всего, как преданный поклонник. Я знала, насколько важно для него это шоу. Наконец-то, он

взобрался на вершину высоченной горы, вопреки всему, в одиночку, без посторонней помощи. Тем вечером он сказал мне: «Если завтра моя жизнь закончится, это не имеет значения. Лучше быть просто не может».

Конечно же, Ронни прожил еще много лет и сочинил одни из величайших альбомов Dio. Он также дважды воссоединился с ребятами из Sabbath, записавшими легендарный *Heaven and Hell*, выпустив еще два потрясающих альбома, включая великолепный *The Devil You Know*, увидевший свет за год до смерти Ронни и попавший в «десятку» хитов в Америке. Ну, а дальше уже другая история.

Он всегда отдавал всего себя ради преданных и любимых фанатов, как на сцене, так и за ее пределами. Иногда в эти годы ему было непросто, но вы увидите, что Ронни никогда не отлынивал от усердной работы и всегда выходил победителем. Лишь смерть оказалась хитрее, и он вынужден был потерпеть поражение.

Не сомневаюсь, что когда-нибудь будет написана книга о последних 25 годах жизни Ронни. В архиве у нас, безусловно, достаточно материала, чтобы однажды превратить все это в превосходную книгу, но эта история о другом. Она о том, что Ронни считал «первой частью моей жизни», написанная его собственными словами, в его неповторимом стиле. Именно таким Ронни и хотел бы нам всем запомниться: жизнерадостным, не падающим духом и поистине великолепным.

Когда Ронни начал писать эту книгу, я даже не думала,

что он будет настолько откровенен с читателем. Или, как он спел в одной из своих самых известных песен:

Мир полон королей и королев

Что крадут твои сны, ослепляя глаза...

И они скажут тебе, что черное – на самом деле белое

А луна – лишь солнце в ночном небе.

И когда войдешь в золотые залы

Постарайся не просыпать золото.

Это Рай и Ад.

Пролог

Пятница, 20 июня 1986 года.

Ранний вечер, я за кулисами в гримерной, в этом священном месте, после отстройки звука и перед выходом на сцену, где, если повезет и не будут донимать, можно посидеть и подумать – что почти не представляется возможным в любое другое время на гастролях.

Сегодня в городе невероятно жаркий летний вечер – такое может быть только в Нью-Йорке. Здесь бешеный ритм жизни, все куда-то спешат, но жара настигает каждого. Кажется, даже машины сигналият не так назойливо: 7-я авеню не знает, куда деться от невыносимой жары.

Но сегодня вечер пятницы и все хотят провести выходные с пользой. Сегодня вечером я выступаю в составе своей группы, Dio. Мы собрали «Мэдисон-сквер-гарден» на 20 000 человек.

На улице стоят фанаты, обезумевшие от жары, и буквально дерутся друг с другом, чтобы проникнуть внутрь. Для нас это огромное достижение. Dio – успешная группа, выступающая на аренах, практически с того самого момента, как мы выпустили первый альбом, *Holy Diver*, – но это «Гарден» и совершенно другой уровень реальности.

Я – парень из Нью-Йорка. Даже прожив и поработав многие годы в столь любимом мной Лос-Анджелесе, я – парень

из Нью-Йорка и всегда им останусь. Я мечтал выступить на «Мэдисон-сквер-гарден» сольно с тех самых пор, как узнал о существовании этого концертного зала.

Я сижу здесь, в этот прекрасный вечер пятницы, мощный кондиционер спасает от пыли и жары, и размышляю о том, какой долгий путь прошел в музыкальной карьере, но все же как близко всегда был к этому легендарному месту. С содроганием вспоминаю, как холодным утром по понедельникам ехал 400 километров в город, чтобы пропитаться атмосферой офисного здания «Брилл» на Бродвее, где Кэрол Кинг и Джерри Гоффин написали песню «Will You Love Me Tomorrow». Надеюсь на прорыв, любой прорыв. И где так или иначе в 1960 году в свои «взрослые» 17 мне позволили записать балладу Tin Pan Alley «An Angel Is Missing». Мы назывались Ronnie Dio and the Red Caps. Песня не стала хитом. Но тогда это не остановило меня – не останавливает и сейчас.

Называйте меня старым романтиком, но я никогда не пел ради денег. Я действительно всегда счастлив или просто рад, когда мне платят за работу. Но мотивирует не это. Музыка всегда помогала преодолеть трудные времена, когда казалось, что все кончено; вдохновляла на написание лучших песен, мотивировала стараться петь на пределе возможностей и быть настоящим другом для поклонников, а не очередной картинкой в журнале.

Сидя здесь сегодня, вспоминая все это, упиваясь тем, что

мне потребовалось всего каких-то двадцать пять лет, чтобы наконец добраться сюда, я могу радостно заявить: что бы ни случилось дальше, я всегда смогу сказать, что однажды собрал «Мэдисон-сквер-гарден». Наконец, я действительно достиг своей цели и благодарю богов за то, что превратили мои сны в реальность, а не в кошмары.

Играть в известной на весь мир группе – редкая победа, о которой большинство музыкантов не могут даже мечтать. Оказаться в двух известных на весь мир коллективах – это уже чуть ли не перебор. Но добиться успеха в *третий* раз, особенно когда делаешь это со своей группой – что ж, считаю, мне невероятно повезло.

Надеюсь, читая книгу, вы найдете ответы на все вопросы, которые, знаю, многие из вас очень долго желали мне задать. Как бы вы ни относились ко мне после прочтения книги – я это приму. Хороший. Плохой. Красивый. Это все про меня.

Но знайте одно: если завтра меня не станет, вы будете свидетелями того, что я взял от жизни все.

Подростком я практически каждую неделю проходил мимо «Гарден», смотрел на неоновую вывеску, кто бы ни выступал в тот вечер, и обещал себе:

«Однажды здесь будет висеть мое имя».

Венди сказала, что мы могли выступить на арене Meadowlands в Нью-Джерси и заработать в два раза больше, потому что «Гарден» – это профсоюзная организация. Но я ответил ей: «Я должен выступить здесь. Я мечтал об этом

всю жизнь».

И сегодня, выйдя с Венди из лимузина, мы посмотрели вверх и увидели неоновую вывеску:

**DIO, MADISON SQUARE GARDEN, НЬЮ-
ЙОРК**

Радости не было предела. Я хотел, чтобы Венди сделала на память фотографию. Но мы забыли фотоаппарат. Мне было плевать. Ни одна фотография не смогла бы передать значимость этого момента для меня. Но я до сих пор ей припоминаю. А как же?!

Ладно, пора готовиться к выходу на сцену. Слышу, как скандируют мое имя.

Мама, бабуля, я и папа

Юные рок-н-рольщики

Вроде бы обычная суббота. Первый день летних каникул и бейсбольный матч с соседскими ребятами. Что еще нужно для счастья? Однако неожиданно выяснилось, что день будет особенным. Именно в этот день начнется мое музыкальное путешествие длиною в жизнь.

Тем утром я сидел за столом и завтракал с родителями, как вдруг почувствовал в воздухе некое напряжение, а чутье никогда меня не подводило. Обычно это сигнализировало о наступлении какой-нибудь пока еще не известной проблемы. Затем отец изложил суть дела. Какой бы музыкальный инструмент я бы выбрал, чтобы стать, возможно, более разносторонне развитым?

Чего?

Вот уж неожиданно. Мне было всего шесть, и я пока не испытывал ни малейшего желания и стремления заниматься музыкой. Если это не мяч, который можно бросать, ловить или ударять по нему – меня это абсолютно не интересовало. Какой бы я выбрал инструмент?

– Да никакой, – ответил я. – А с чего я должен выбирать?

Мой отец Пэт – суровый и серьезный американец итальянского происхождения, не терпел возражений, а меньше

всего от единственного сына – быстро и решительно проигнорировал отказ и повторил вопрос, на который, разумеется, пришлось ответить уже утвердительно. Стараясь выиграть время, я спросил его, из чего можно выбрать.

На помощь пришла мать Анна. Слушая радио и решая, какой звук мне нравится больше всего, я смог дать отцу ответ. На весь дом играло старое радио «Baby Grand» фирмы Philco, и кухню наполнили приятные звуки трубы Гарри Джеймса. Я бы хотел сказать, что в тот момент воспрянул духом и мысленно растворился в этих радостных звуках. Мне бы очень хотелось так сказать, но, черт возьми, надо было сыграть матч.

– Вот на этом, – буркнул я, хватая свою бейсбольную перчатку и собираясь уходить. К моему ужасу, на пути встал отец и заявил, что вместо бейсбола мы пойдем в McNeil Music, один из двух музыкальных магазинчиков в городе, и купим там трубу как у Гарри Джеймса. Как же я в тот момент ненавидел отца.

Мы с папой запрыгнули в машину – полагаю, женщины были в таких вопросах лишними, – и когда он сдавал назад с подъездной дорожки, с каждым поворотом колес душа моя уходила в пятки. *А как же игра?* Подумал я. В тот день игры закончились и началась суровая реальность.

Музыкальный магазин меня поразил. Столько странно выглядящих предметов непонятной формы и разных звуков. Но почему-то я почувствовал себя комфортно. Нас встрети-

ли братья МакНил, Дэнни и Джон, совершенно друг на друга не похожие. Дэнни низкий и лысый, а Джон – высокий и здоровый, на голове – воронье гнездо. Искрометный и прямолинейный Дэнни взял контроль над ситуацией и повел нас в отдел медных духовых инструментов. Там он, как мне показалось, встал за прилавком на колени, словно читая короткую молитву, а затем приветливым жестом показал мне предмет, который в следующие двенадцать лет станет моим ближайшим соратником – трубу Olds Ambassador. Красивая, блестящая, медно-серебристая труба лежала на бордовой бархатной подкладке. Готов поспорить, что даже у старины Гарри Джеймса не было ничего подобного.

Затем нас отвели в подвал, напоминавший больницу, и – бах! – снова меня пронзила нервная дрожь. Но волноваться не стоило, поскольку это оказались репетиционные комнаты, где продолжилось мое знакомство с музыкальным сообществом.

Нас с папой представили эрудированному с виду человеку с приветливой улыбкой. Звали его Сэм Синьорелли, и он стал моим первым учителем. Он серьезно относился к своей работе и переживал, что, возможно, труба – не мой инструмент. Он осмотрел рот, зубы, амбушюр (положение губ), и я уже ждал, что сейчас он попросит опустить штаны, отвернуться и покашлять.

По-видимому, проверку я прошел, потому что мистер Синьорелли вручил мне трубу и показал, как ее держать. За-

тем проинструктировал, как сжать губы и выдохнуть, сначала без трубы, после чего настал момент истины. Я дунул в эту штуковину, и через все вентили трубы медленно прошел поразительный звук, наполнив комнату. Отец светился от счастья и улыбался лучезарной улыбкой; мистер Синьорелли от удивления открыл рот. И я поставил точку в самой короткой карьере бейсболиста.

Я быстро прибавлял, и на меня стали обращать пристальное внимание.

– И откуда в нем столько сил?

– Он же совсем маленький.

– Каким образом? Труба больше, чем он сам!

Я смирился с этими комментариями, пока долгие годы играл на трубе.

Отец верил, что практика – путь к совершенству. И вообще, я думаю, он запатентовал эту фразу. Я придерживался этого правила и, под пристальным наблюдением папы, стал каждый день практиковаться на трубе по четыре часа. *Четыре* часа. *Каждый* день. И никогда не отлынивал, даже по воскресеньям. Папа ясно дал понять, что это не выходной день.

Я терпеть это не мог. Насиловал свой инструмент, а во дворе резвились и смеялись соседские ребятишки. Но постепенно, начав играть лучше, я почувствовал себя увереннее, поднялась самооценка как музыканта. Я решил, что в этом моя сверхспособность, и начал ей гордиться. И хотя тогда я

этого знать не мог, но позже постепенно приобретенное умение и знание музыки здорово помогли мне как певцу, отчасти благодаря правильной технике дыхания, отчасти потому, что у трубы есть свой голос и фразировка. И сейчас я понимаю, что, если бы не годы тренировок на трубе, пел бы я совершенно иначе.

Отец, когда я практиковался, проводил со мной почти весь день. Он, в отличие от меня, был гораздо более предан этой идее. Я думал, он знает и разбирается больше, и мне никогда его не догнать. Так продолжалось первые несколько лет. Но в конечном итоге он перестал посещать мои занятия, поскольку музыка и требуемая техника становились все сложнее и сложнее. Однако первые наставления оказались бесценными, поскольку, хоть и лень было заниматься тем, что мне не нравилось, но невероятная настойчивость отца и вера в мой успех стали огромным подспорьем во всех моих будущих музыкальных начинаниях. Упорная работа, дисциплина, гордость за себя, вера в то, что ты – самый лучший, – все эти качества вложил в меня отец за те, казалось бы, бесконечные годы репетиций и обучений на чертовой трубе.

По крайней мере в моем случае все оказалось не так жестко, как у папы в детстве. Его отец, иммигрант, недавно прибывший из Италии, однажды принес в дом банджо, скрипку и кларнет. Позвал моего папу и двух его братьев, Джона и Питера, в гостиную, наугад вручил каждому по инструменту и велел играть. Папа же охотно был готов оплачивать мои

занятия.

Дедушка по отцовской линии, Тони Падовано, был суровым, упертым и мощным коренастым парнем. (Мне сказали, что фамилию сменили на «Падавона» после того, как его дети пошли в школу и поняли, что так писать гораздо легче, но я никогда этого не понимал). О великих подвигах дедушки Тони легенды ходили. Он владел сталелитейным заводом, где работал вместе с целым поколением итальянских иммигрантов. Тони пришел туда, одержимый всевозможными стереотипами о переселенцах с Южной Европы. Он умел за себя постоять, никому не давал на себе ездить и не спешил показывать свои чувства и эмоции. Так он меня и воспитывал. Никаких удовольствий, а боль надо терпеть.

Жену Тони, мою бабушку по отцовской линии, звали Эрминия. Все считали ее святой, но это слишком заниженная оценка. Эрминия одинаково любила каждого из своих детей и их отпрысков. Никто не был ущемлен, и все друг с другом делились. С остальными она с трудом разговаривала на английском, да и писала на нем неважно, но я всегда ее прекрасно понимал. Кусочка ее вкуснейшей пиццы и «чашки вкусного кофе» (она произносила «кофя») всегда было достаточно, чтобы слезы детей сменились улыбкой. Для меня всегда было загадкой, как она могла уживаться с таким мужем, как дедушка. Святая женщина.

Я везде ходил с «бабулей». У Тони имелась машина, но прав не было – он купил ее для того, чтобы выпендриться

перед друзьями. Поэтому мы с бабулей ходили пешком на рынок и сталелитейный завод, чтобы принести обед дедушке и его сыновьям; часто ходили в церковь и куда бабуле хотелось.

Приблизительно в то же время я стал замечать, что, когда к нам приближались незнакомцы или проходили слишком близко, бабушка делала странный жест рукой. Поднимала указательный палец и мизинец, сгибая средний и безымянный пальцы, придерживая большим. Лишь спустя годы я узнал, что это «дьявольские рога», также известные как «Знак дьявола» (итал. *Mano Cornuto*). Таким образом бабуля защищалась от сглаза. Подождите – защищалась от *чего*? Гмм. Я к этому еще вернусь.

Первое мое публичное выступление как трубача состоялось на музыкальном фестивале Нью-Йорка, который все участвующие называли просто «конкурсом». Для наших наставников это были настоящие Олимпийские игры, и меня заставляли до посинения репетировать сольные композиции, пока я не мог сыграть их с закрытыми глазами. Меня попросили сыграть композицию Рэймонда Скотта «The Toy Trumpet» («Игрушечная труба»). Красивое музыкальное произведение, но уверен, что игрушкой на сцене выглядел как раз я, а не труба. Однако этот мелкий шестиклассник, должно быть, оказался в неплохой форме, потому что я удостоился бурных оваций и хвалебной речи от судей и от переизбытка эмоций залился слезами, вызвав у пришедших

мамочек и папочек еще больше *охов* и *вздохов*.

На следующий год после моего первого «конкурса» я поступил в среднюю школу Кортленда. Занятия с седьмого по двенадцатый классы проходили в огромном здании из красного кирпича, выполненном в колониальном стиле, с четырехугольным двором. Мне показали класс, и ребята сразу же рассказали, что у классной руководительницы шуры-муры со школьным библиотекарем. Эта заманчивая новость сразу же определила мой первый год образования. Если столь благородные учителя валяют дурака, вряд ли здесь все серьезно.

Школьный год стал проходить быстро и предсказуемо. Уроки у меня начинались в 9:00, а заканчивались в 15:35, и последним уроком всегда была репетиция группы. Это было мое первое столкновение с соперниками как на бейсбольном поле, так и за его пределами, и вот здесь я преуспевал. Имея такой график репетиций и прирожденный талант, я без проблем закрепил за собой место первого трубача.

Моим кумиром был сосед по имени Фил Натоли. Отличный трубач. А еще и симпатичный, поэтому его окружали красивые девушки. *Может быть, я не зря в музыку подался?* Я боготворил Фила до такой степени, что начал пихать в задние карманы платки, чтобы все думали, что у меня такая же упругая задница. Ну девки ведь на него велись – значит, должно сработать!

Город Кортленд в штате Нью-Йорк скрывается за семью холмами. Семь долин, наверное, напоминали итальянским

иммигрантам Рим – он ведь тоже построен среди семи холмов и долин – и их непреодолимо тянуло в Кортленд.

По соседству с нами жили несколько семей: Пелличiotти, Пассалуго, Морджа, Туччи и Фабрицио. Мы были по меньшей мере сотней страниц, вырванных из итальянского телефонного справочника. Эта часть города была известна как «Восточная окраина», где по тихим улочкам разбросаны итальянские рынки. Единственную опасность представляли старики, яростно общавшиеся на своих диалектах и плутовавшие по улицам. В городе была приходская церковь – церковь Святого Энтони; еще начальная школа Померой; пекарня и рестораны. Сегодня я понимаю, что у нас все было свое, потому что мы держались на почтительном расстоянии от всех остальных жителей крупного города – а они с удовольствием держались подальше от нас.

Географически мы располагались в центральном регионе штата Нью-Йорк, куда входил Сиракьюс, наш крупнейший соседний городок с населением 350 000 человек, и Итака, чьи жители могли похвастаться Корнеллским университетом и создателем «Сумеречной зоны», Родом Серлингом. Среди 20 000 жителей Кортленда были врачи, юристы, лавочники и владельцы фабрик. Остальные работали на молочных фермах или сталелитейных заводах.

Отец и дед работали на сталелитейном заводе братьев Вилквейр, изготавливали гвозди и проволочную сетку. Словами не передать, как же я рад, что не занялся семейным бизне-

сом. Несколько раз приходил в магазин и будто оказывался в романе Чарльза Диккенса. Внутри огромного кирпичного сооружения мерцал режущий свет синеватого оттенка, едва освещавший мужиков, работавших в поте лица. Но больше всего запомнились непрерывные мощные удары – должно быть, это огромные молоты, кующие сталь. Их всегда было слышно в моей части городка, и, можно сказать, что выковывался не только металл, но и мой суровый характер.

Я бежал от этого звука, пока однажды он меня не настиг.

Встань и заяви о себе

К средней школе я начал дружить с теми, кто, как и я, были неместными – из другой части города. Сначала мы защищали свою честь, ввязываясь в небольшие драки, затем стали кровными братьями навеки. Одним из моих приятелей был Пол Консрой, которого не очень приятно прозвали «Бродягой Флойдом». Не потому, что он был бездомным или беспомощным, а потому, что стал вести совершенно другой образ жизни, отличавшийся от того, который в Кортленде считался «нормальным».

Флойд был рок-н-рольщиком и бунтарем. Он познакомил меня с кожаными шмотками, революцией и музыкой, которую прежде я никогда не слышал. И у него была огромная коллекция пластинок. Новое, старое – абсолютно все. Сначала он включил мне блюз – Би Би Кинга, Папу Чарли Джексона, Мадди Уотерса... *Что это было? Какое-то Вуду?* Боль, слезы, смех, радость... все эмоции в одном круглом черном куске пластика. Далее еще одна поросль артистов – Литтл Ричард, Чак Берри, братья Эверли и Элвис. Настоящий рок-н-ролл. Элвис уже набрал невероятную популярность. По телевизору я видел, как он двигается на сцене, и мне были знакомы его хиты, но только теперь, услышав благодаря Флойду

другие коллективы, я осознал истинное музыкальное «происхождение» Элвиса. Вот ведь как бывает!

И однажды дома у Флойда я встретился с Элвисом. Или по крайней мере кем-то очень похожим на него. Он держал гитару, и на голове этого парня она, безусловно, выглядела как помпадур Короля. Звали его Ники Пантас. Он играл на гитаре. Классно выглядел. Был рок-н-рольщиком. Я хотел быть как он.

Ники был меня на год старше, и хоть мы и ходили в одну и ту же школу, до этого ни разу там не виделись, поскольку разные классы старались держаться друг от друга подальше – за исключением, разумеется, подкатов старшеклассников к нашим девочкам. Ник играл в бейсбольной команде питчером-левшой. Элвис умел закручивать мяч? Ничего себе! А чего-нибудь этот парень не умел?

В тот день в доме Флойда мы втроем болтали, мечтали и строили планы, при этом опустошили отцовский бар, выпили и вырубались, потом нас тошнило, и мы поклялись, что больше этого не повторится. Еще ни одного аккорда не сыграли, а уже считали себя группой.

Еще нам с Флойдом нравилось играть в «Мафию». Может быть, нам хотелось такие же крутые имена, как у тех героев. Может быть, хотелось быть крутыми хладнокровными парнями, которых прославляли по телевизору и в фильмах, и которые высмеивали авторитеты, как реальные, так и вымышленные. Мафиози были бунтарями со своими принципами,

которые мы, честно говоря, не понимали, но для юных американских детишек итальянского происхождения в 1950-х эти манящие бандиты казались семейным полицейским подразделением. Когда Флойд сказал, что мне нужно сменить имя – «Невозможно стать звездой с фамилией Падавона!» – насмеялся он надо мной – я решил вдохновиться различными мафиози. Мы хотели придумать фамилию из нескольких букв и, очевидно, итальянского происхождения. А потом меня осенило – Дио!

Я не был уверен на сто процентов, но хотел стать звездой и чтобы друзья поучаствовали в этой безумной аванюре, поэтому выбрал это новое имя и приготовился к битве. Ронни Дио: мафиозный музыкант.

Мы собирались стать группой, но по-прежнему приходилось посещать школу, делать уроки и каждый день по четыре часа играть на трубе. Поиски остальных музыкантов и совместные репетиции уходили на второй план, и в основном все сводилось лишь к разговорам, надеждам, желаниям и мольбам о том, что когда-нибудь все сбудется.

Однажды вечером мы завернули за угол на Дрим-стрит, и в YMCA¹ проходили танцы. Играла молодая группа из соседнего Бингемтона, называвшая себя The Rickettes². Мы

¹ YMCA, ИМКА (от *англ.* Young Men's Christian Association – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.

² По аналогии с The Rockettes, нью-йоркским женским танцевальным коллективом, основанным в 1925 году в Сент-Луисе.

с Ники приехали пораньше, чтобы заценить их выступление. Держали дистанцию, прикидываясь равнодушными. Но у этих ребят было все: гитары, электрический бас, усилители и звуковая система. Когда они взбодрились и приступили к музыке, это было круто. Больше мы не могли притворяться, что нам все равно, и мы стояли, широко раскрыв глаза, отчаянно желая быть как эти парни.

В кружащейся в танце толпе мы стали тщательно искать ребят, с которыми можно сколотить группу. Это оказалось несложно. Музыкантов всегда находят, когда «присматриваются», восхищаясь или же ненавидя себе подобных. А выбрать было из кого – несколько барабанщиков, басист, пианист и саксофонист. С барабанщиком оказалось легче всего. Среди кандидатов была девушка, и все мы знали правила. Никаких телок! Поэтому заговорили с парнем по имени Томми Роджерс и – к радости своей – обнаружили, что у него есть барабаны и подвал, где можно репетировать.

Следующим мы взяли в оборот Джона Алкорна – он играл на басу, но доступ у него имелся лишь к одному из тех больших контрабасов, на которых играли джазмены. По крайней мере Джон умел играть, поэтому мы были ему рады и пригласили в группу. Последним взяли молодого парня по имени Джон Кейн. Джон, которого также называли Джеком, был саксофонистом и уже успел выступить живьем; солировал как ненормальный. И вдруг оказалось, что это не просто разговор. У нас действительно есть группа. Только я сомневал-

ся, что мы действительно что-то можем.

Услышав The Rickettes и их мощный звук, мы поняли, что нужны усилители более высокого качества, но поскольку деньги были проблемой, мы довольствовались старым усилком и принялись его чинить. Мой дядюшка Джонни неплохо разбирался в телевизионной электронике, поэтому мы втянули его в эту авантюру. Он чего-то покрутил внутри этой штуковины, а потом заявил, что все готово и можно проверять. Выключатель был поднят, и маленький красный огонек, мигавший и продолжавший ярко гореть, сигнализировал о первом признаке успеха. Сыграли гитарный аккорд, и трясущейся рукой Ники подрубил этого зверя. Звуки, получившиеся в тот день, безусловно, мало походили на музыку, но боже! Было громко! Есть контакт! А как мощно!

Моя роль заключалась не только в том, чтобы играть на трубе. Гитарист у нас был всего один, и я бы в любом случае не потянул. Список песен состоял исключительно из инструментальных композиций. О вокале мы стали думать только когда поняли, что не сможем составить конкуренцию ни одному из коллективов на музыкальной сцене, пока не появится певец.

Как только появлялось свободное время, мы с Ники садились на его велосипед и, держа между собой гитарный кофр, мчали домой к Томми. Там внимательно изучали его записи, чтобы подобрать правильные аккорды к песням, которые хотели исполнять. Репетиции оказались бесценными. Посколь-

ку мы, честно говоря, не знали, что делаем, пришлось придумывать собственные музыкальные методы, позже сформировавшие наше фирменное звучание. Родители Томми очень нас поддерживали. Никогда не жаловались на шум, а шумели мы иногда здорово.

Это был для меня переломный момент – момент, когда к музыке я стал относиться с большей страстью, нежели к спорту. Ни о чем другом и думать не мог – лишь о том, как сочинять этот новый вид музыки, свободный и лишенный ограничений. Это здорово отличалось от суровой дисциплины, которую от меня требовали в школе. Я не отвергал более формальный подход, просто пытался их объединить. Меня по-прежнему поражали классические произведения, которые мы исполняли в школьной группе в Кортленде. Нашим дирижером был Бёртон Стэнли, известный всем как «Профи». Он был замечательным человеком: порядочным, терпеливым, упертым, когда это требовалось, понимающим и превосходным учителем. Но максимум, чего добились его студенты в плане «популярной музыки» – это местная танцевальная группа, известная как Stardusters.

Но даже у танцевальной группы был потенциал. Когда один из трубачей Stardusters окончил школу, Профи взял на место этого парня меня. Я этим чертовски гордился. Еще лучше, что лидером группы являлся бывший выпускник школы Кортленда по имени Фил Натоли, который на тот момент являлся моим кумиром среди трубачей. Фил ушел из

выпускного класса, чтобы пойти в армию США, где быстро дослужился до сержанта – и стал первым трубачом в армейском джаз-бэнде. Фил был настолько крут, что ему поступало множество предложений играть профессионально и гастролировать по миру. Но после армии он вернулся домой и женился на Аните – любимая его дождалась.

Теперь же мне довелось воочию увидеть, как он играет. И некоторое время я не знал, сдамся ли я после такого или же наоборот воспряну духом и покажу себя как музыканта. Мне ведь ни разу не приходилось быть «на гастролях», и большинство из одиннадцати других парней в Stardusters были на пять или шесть лет меня старше, да еще и при машинах. Не то чтобы мы чего-то добились – обычно это были единичные выступления на местных свадьбах или школьных балах. Но поскольку машину я не водил, то ехал с тем, кто оставался со мной в тот вечер.

Некоторые из парней приводили своих девушек, и всю дорогу те чувствовали себя зажато и некомфортно, поскольку я сидел на заднем сиденье, пытаясь быть незаметным. Но такого никогда не было, когда ты ехал с Джо Феррисом. У Джо были скоростные тачки, и водил он как гонщик, а еще у него была Конни – выглядела она сногсшибательно. Наши совместные поездки были словно фиеста. Они врубали радио, курили сигареты, пили пиво, постоянно обжимались и целовались взад-вперед, и мое присутствие, похоже, их совершенно не смущало. А мне это нравилось! Играла отличная музыка, и

можно было мельком увидеть пикантные места Конни.

Джо рассказывал одну гастрольную историю за другой, а мне все было мало. Хотелось, чтобы и у меня были истории, опыт гастрольной жизни и все пикантные места Конни.

Единственным разочарованием было то, что мое участие в Stardusters мешало мне прогрессировать с еще не получившей название группой. Но я не мог отказаться от девяти долларов, трубя в рог и любуясь Конни. Поэтому мы репетировали с группой, когда получалось, и наконец нашли время сочинять под своим именем.

Мы отбросили несколько названий, которые не подошли. Затем кто-то упомянул Лас-Вегас, а еще кто-то сказал «Короли» – и мы стали «Королями Вегаса»! (Vegas Kings). Наспех придумали логотип, обклеили его золотыми звездами и поклялись в вечной преданности новой группе.

Мы с Флойдом не собирались отказываться от своих бунтарских корней. Мое хвастовство о пьянках с ребятами из Stardusters не прошло незамеченным, и Флойд предложил самим выковать жетоны Шерифа. Пить в Нью-Йорке разрешалось только с восемнадцати, и мы были уверены, что сможем обвести вокруг пальца какого-нибудь ничего не подозревающего бармена, и он нальет нам несколько бокалов. Отец нашего друга работал в типографии и знал, как пользоваться пишущими машинками. Мы скопировали стандартную форму, вписали туда свое имя и липовую дату рождения, подделали подпись Шерифа и приложили на карту

большую печать – алюминиевую монету с выбитой по краю надписью: «Добро пожаловать в Атлантик-сити».

Когда все было готово, мы с гордостью изучили свои новые удостоверения. Теперь мы были настоящими мужиками. Официально. Легально. Наконец-то. Можно пойти и выпить...

Моя преступная карьера началась еще до авантюры с удостоверением. Однажды я нашел на улице ключи от «Бьюика» и, не раздумывая, положил в карман. В субботу после обеда мама всегда пропадала в магазине, а папа несколько раз в месяц уезжал с братьями на рыбалку, поэтому время от времени я оставался дома один. Десятилетний парнишка с грандиозными идеями, предоставленный сам себе. Что такого может случиться?

В этот день я забрел в гараж, где отец припарковал наш семейный автомобиль. Он отправился на рыбалку с братьями на одной из их машин и не стал париться и закрывать двери своей тачки. Поэтому я запрыгнул в салон, оказался перед огромным рулем и стал изучать обстановку.

Я знал о машинах достаточно много, чтобы понять, что пока не вставишь ключ в замок зажигания, она просто не заведется, а потом вспомнил про ключи, которые нашел на улице. Помчался на второй этаж дома и выудил их из ящика с инструментами, который прятал под половицей в своей комнате, затем побежал вниз в гараж и сел в машину.

Вставил ключ в замок зажигания, глубоко вдохнул и по-

вернул его. Но он не двигался! Я сразу же ужасно расстроился. Вытащил ключ и посмотрел на него. Конечно же, у этого канавки прорезаны не так, как у настоящего ключа. Помчался обратно на кухню. Знал, что у отца есть запасные ключи.

У папы в подвале хранились инструменты на все случаи жизни, поэтому я, малолетний эксперт по замкам, спустился туда и принялся затачивать и шлифовать, пока оба ключа не стали выглядеть одинаково. После чего поднялся наверх в гараж проверить свою ручную работу. Ключ вошел. Я повернул замок зажигания и тут же был шокирован от давления в руке и голове, когда загудел мотор и завелся автомобиль.

Напуганный до смерти, я выскочил из машины и убежал, думая, что в любой момент случится нечто катастрофическое. Поборов страх, я выглянул из-за угла гаража. Двигатель все еще работал, тихо и плавно, и я, успокоившись, вернулся за руль автомобиля.

Дотянулся до педали газа и плавно нажал. Крошечный шаг для мальчишки, сумасшедший прыжок в безумие. Двигатель загудел. Я снова нажал, чуть сильнее. На этот раз он уже не гудел, а рычал. Я экспериментировал, пока не почувствовал, что контролирую ситуацию. Затем включил радио. Какое вождение без радио?! Все это знали.

Музыка наполнила воздух, и я совладал с нервами, чтобы сдвинуть этого монстра с места. Нажал на тормоз и передвинул коробку передач на букву R (задний ход). Автомобиль слегка тряхнуло, и я почувствовал, что он готов к дви-

жению. Постепенно я убрал ногу с тормоза, и машина начала крениться назад. Я прижал ногой педаль тормоза и дернул коробку передач обратно на букву *P* (парковка). Для первого дня достаточно. Сердце бешено билось, как двигатель, но повернуть ключ и выключить сердце я не мог.

С тех самых пор я садился за руль каждый раз, когда предков не было дома, и каждый раз смелости все прибавлялось. В конечном итоге я научился вывозить машину из гаража на подъездную дорожку. Это было не так просто, потому что, выезжая задом из гаража, был риск задеть боковую часть нашего дома, а под другим углом, в нескольких метрах, стоял соседский дом семьи Пелличчиотти. Опасное занятие.

Наблюдая, как папа маневрирует, объезжая препятствия, я научился этим небольшим трюкам, чтобы избежать аварии. Научился выезжать задом из гаража. Стал увереннее. И если бы все вождение заключалось в том, чтобы вывозить машины из гаражей – у меня бы проблем не возникло.

Моего лучшего друга в нашем районе звали Бобби «Крыс» Райтмайр (Не ведитесь на имя. Бобби *тоже* был американцем итальянского происхождения). Свое неоднозначное прозвище Бобби получил после того, как однажды обнаружил дом грызунов под берегом реки Тихниоги, где мы рыбачили, купались и злоупотребляли вредными привычками. Мы находились в самом сердце страны индейцев племени Ирокезов, поэтому названия вроде Тихниога встречались по всей территории.

У нас с Крысом не было друг от друга секретов, поэтому в конечном итоге я ему рассказал про свои приключения с ключом и машиной. Когда наступил следующий день и родителей снова не оказалось дома, я гордо продемонстрировал Крысу, как умею выезжать из гаража и кататься по подъездной дорожке, после чего идеально ставить машину на место.

– Дай-ка и мне попробовать, – разумеется, в какой-то момент сказал Крыс.

– Хорошо, – ответил я, вдруг осознав, какой опасности себя подвергаю. Мы поменялись местами, и я велел ему все делать медленно. Но Крыс был настоящим авантюристом, и я тут же узнал безумный взгляд в его глазах. Я задержал дыхание, когда он повернул ключ в замке зажигания, и двигатель завелся. Затем я включил радио – а что? Моя машина – мои правила!

Музыка, похоже, успокоила Крыса, и он вел себя так же аккуратно, как я, когда впервые давил на «газ». Он нажал на тормоз и медленно передвинул коробку передач на «реверс», невероятно плавно выворачивая руль влево. Слава Богу, все получится...

Затем, к моему ужасу, Крыс вдавил педаль газа в пол, и машина вылетела из гаража как ракета. Монстр заревел еще громче, разбив один угол гаража и врезавшись в кухню семьи Пелличчиотти.

Миссис Пелличчиотти только-только отошла от мойки и чудом не угодила под эту груду летящего металла весом две

тонны. Из лопнувших труб хлынула вода, в воздухе парили грязь и труха, и когда я осмелился открыть глаза, то увидел, как задом мы на несколько метров въехали в соседский дом.

Крыс посмотрел на меня и произнес четыре слова, которые я никогда не забуду: «Что же мы натворили?» – прокричал он, делая ударение именно на слове *мы*. Времени на споры не было. Собравшаяся толпа соседей стекалась из обычно тихих домов, чтобы разузнать источник этой ужасной аварии.

Сестра моего отца, тетушка Карм, первой прибыла на место, и когда я, скрепя сердце, вылез из машины, она сообщила мне о том, что я уже и так знал: «Отец тебя убьет!». Никакого суда не будет. Сразу казнь. Именно этого я заслуживал. И прекрасно это понимал.

Миссис Пелличчиотти, прекрасная женщина, больше беспокоилась за нас, нежели за себя. Убедившись, что мы с Крысом целы, толпа неохотно стала рассасываться, а мы стояли, столкнувшись лицом к лицу со своими демонами. Двое ничего не понимающих десятилетних мальчишек, решение наших проблем было простым: продадим велосипеды, а на эти деньги починим машину, гараж и дом. И все это на следующий день, до возвращения моего отца с очередной рыбалки. Мы помчались в магазин велосипедов и предложили владельцу свои драгоценные колеса. Умело торгуясь, нам удалось раскрутить его на великолепную сумму в 23 доллара. Мы же были уверены, что на ремонт и починку хватит.

К тому времени, как я добрался до дома, мама вернулась из магазина и застыла в шоке, уставившись на новую «пристройку» к соседскому дому. Я поспешил объяснить, что проблема решена и мы продали велики. И вручил ей 23 доллара.

Не знаю, что послужило причиной – состояние соседского дома или отцовской машины, или моя невинная попытка решить проблему столь заоблачной суммой – но мама принялась рыдать. Взяв себя в руки, она подтвердила мои наихудшие опасения.

– Отец тебя убьет, – сказала она. Я снова оказался в Камере смертников.

Мы с мамой проплакали всю ночь, ожидая, что приговоренный к смерти молодой парень будет казнен ровно в полдень. Утром следующего дня через дорогу от дома моей тетушки Карм высадились рыбаки. Я прекрасно видел, как они выходили из машины, и неумолимо тающие часы я проводил в ожидании своего палача.

Когда наконец фургон подъехал к дому и, держа в ведрах чешуйчатые трофеи, высадились пассажиры, радуясь возвращению, я увидел, как тетушка отвела папу в сторону и, схватив за плечи, принялась вести серьезный разговор. Позже я узнал, что тетушка Карм сообщила эту ужасную новость отцу и умоляла не наказывать меня.

Но тогда я этого еще не знал, и когда увидел, как он, Смерть с косой, Убийца рыб, взглянул на наш дом, сердце

чуть не выпрыгнуло из груди.

Строгий консервативный отец-итальянец медленно пошел в сторону дома, а я побежал, чтобы, трясясь, сесть с мамой за кухонный стол. Дверь открылась. Отец вошел и посмотрел на меня бесстрастным взглядом, затем, не сказав ни слова, вышел через заднюю дверь, полюбоваться этой «красотой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.